

Он тщательно спланировал жизнь Юй Минлана. Он хотел, чтобы его сын получил образование за границей, начиная со средней школы и заканчивая магистратурой или даже докторантурой. Изначально он не планировал отправлять его в среднюю школу, но разница в системах образования между странами была слишком велика. Он подумал, что ранняя адаптация пойдёт на пользу Минлану. Дворецкий сказал:

— Не рано ли? Ведь Юй Минлан ещё маленький.

Но Юй Чжэнъянь ответил:

— Пятнадцать лет — это уже не маленький возраст.

Первый год в Мельбурне для Юй Минлана был непростым. В школе было мало азиатов, никто не говорил по-китайски, а его английский был далёк от совершенства. Вначале даже простой разговор давался с трудом, и чтобы купить что-то в магазине, ему приходилось долго объясняться с продавцом. Но со временем он привык. Он постепенно освоил язык и начал говорить на английском без акцента.

Их первая встреча с отцом произошла в китайский Новый год. Юй Чжэнъянь, увидев, как его сын свободно общается с официантом, с восхищением сказал:

— Если бы твоя мама увидела это, она бы обрадовалась.

Они редко говорили о его матери. Юй Минлан почти не помнил эту женщину, лишь видел её на слегка пожелтевшей фотографии на столе отца. Юй Чжэнъянь, казалось, был очень доволен.

Юй Минлан не выражал радости от похвалы, его голос оставался спокойным:

— Это всё благодаря вам, отец.

Рука Юй Чжэнъяня дрогнула, и он случайно опрокинул стакан с водой на столе. Вода пролилась на скатерть и залила его рукав.

Он спокойно взял салфетку и вытер рукав, сказав сыну:

— Тебе не нужно быть таким сдержанным.

Юй Минлан кивнул. Официант, подошедший убрать разлив, на мгновение заслонил их друг от друга. Когда стакан убрали, атмосфера вернулась к прежнему состоянию. Это был своего рода новогодний ужин, подумал Юй Минлан. На следующий день Юй Чжэнъянь снова уехал. У него было много дел, даже в праздники.

Эта ночь оставила глубокий след в его памяти. Отец и сын, разделённые тысячами километров. Отец с седыми висками сидел в своём кабинете, откинувшись на мягком кресле, и думал: когда же их отношения стали такими далёкими?

Но за три года их встречи почти не изменились. Единственное, что радовало Юй Чжэнъяня, — это то, что его сын становился всё более достойным. Он думал, что его жена выполнила свой долг, подарив ему такого прекрасного, почти идеального наследника. Его сын был спокоен, умен, успешен во всём. Чего ещё можно желать? Он утешал себя мыслью, что их отношения таковы, какими должны быть. Сын достаточно хорош, и он не должен требовать большего.

Юй Минлан действительно был прекрасен, как внешне, так и во всех остальных отношениях. Он был единственным азиатом в классе, с утончённой внешностью, унаследованной от покойной матери. У него были густые чёрные волосы, узкие изящные глаза и нежная кожа, слегка бледная, но со здоровым румянцем. Его тело было стройным, с хорошо развитыми мышцами. Девочки в классе говорили, что он выглядит как ангел, без единого изъяна.

Когда кто-то упоминал об этом, он вспоминал слова дворецкого: «Ты становишься всё больше похожим на господина». Позже он понял, что речь шла не о внешности, а о характере и манерах. Он смотрел в зеркало, но не находил на своём лице ничего, что напоминало бы отца.

Молодёжь за границей была свободной и раскованной, совсем не такой, как строгие дети в Китае. Жизнь здесь для Юй Минлана была как открытие нового мира. Он узнал много нового. В Китае Юй Чжэнъянь слишком сильно опекал его, и он почти ничего не знал, даже о сексе.

Никто не научил его, как справляться с физическими потребностями. Возраст, в котором он уехал, был критическим, и Юй Чжэнъянь не учёл этого. Он забыл, что его сын тоже был подростком.

Как бы много времени ни прошло, Юй Минлан помнил это отчётливо. Его первое освобождение произошло в руках мужчины в тесной кабинке туалета. С помощью искусных прикосновений он достиг пика, окутанный смесью неопределённости и ожидания.

После, тяжело дыша, Юй Минлан оперся о стену туалета, пока его ухо ласкали языком. Мужчина, обнимавший его, был выше и крупнее. Его звали Лиам, и он был одноклассником Юй Минлана, распушенным и избалованным сыном богатых родителей. Он дышал на ухо Юй Минлана.

Его соблазнительный голос звучал в ушах Юй Минлана:

— Тебе хорошо, Юй? Тебе хорошо?

Рука Лиамы опустилась ниже, и Юй Минлан почувствовал, как она приближается к его талии. Лиам сказал:

— Я могу сделать тебе ещё лучше.

Юй Минлан, слегка пьяный, остановил руку Лиамы, не дав ему поднять футболку. Он тихо спросил:

— Правда?

Лиам лизнул его шею и засмеялся:

— Правда.

Он добавил:

— Юй, ты такой милый.

Затем он медленно прошептал:

— [I want to f**k you.]

И что же? В следующее мгновение высокий белый парень оказался на полу, с разбитым лицом. Его тело ударилось о гладкую плитку туалета, и он потерял сознание.

Юй Минлан, опёршись о стену, спокойно застегнул ремень. Он был пьян, его глаза блестели, и он выглядел действительно опасным. Перед тем как уйти, он безжалостно пнул Лиама ногой и пробормотал:

— Иди к чёрту.

Он пошатываясь вышел, в голове мелькнули слова Лиама:

— [Ты что, не знал, что мужчины могут любить мужчин? Oh, my God.]

Юй Минлан стоял перед зеркалом, глядя на своё покрасневшее лицо. Он набрал в ладони воды и плеснул на лицо. Некоторое время смотрел на своё отражение, затем указал пальцем на себя в зеркале, слегка наклонив голову:

— Я могу тебя любить?

Он усмехнулся и, шатаясь, вышел из туалета. Снаружи царил шум, разноцветные огни освещали танцпол, где люди безумно двигались. Он прошёл через толпу к своему месту. Их столик находился в углу, где группа подростков, пьяных и смеющихся, сидела на диванах, держа в руках бутылки. Увидев его, они начали свистеть, намекая на то, что он только что вышел из туалета с Лиамом. Юй Минлан, улыбаясь, поднёс руку ко рту и ответил им таким же свистом.

Этот бар назывался [The Colour] и находился в оживлённом районе Мельбурна. Его владельцем был двоюродный брат Лиама, который сейчас лежал в туалете, без сознания и дёргался. Лиам даже представить не мог, что обычно стройный и хрупкий Юй Минлан сможет одним ударом свалить его на пол. Он лежал, тяжело дыша, слушая звук текущей воды и медленные шаги, удаляющиеся от него. Когда он пришёл в себя, в туалете никого не было, только он один.

Он покачал головой, с трудом поднялся, опёрся о унитаз и с отвращением посмотрел на его слегка пожелтевший край.

<http://bllate.org/book/15288/1350653>